поэзии. „Современная поэзия — это дилетанство“,— объяснял один ленсман ⟨...⟩ Мной овладело прямо-таки бешенство ⟨...⟩ я сказала, что поэзия и не является колодцем, из которого все пьют, а Коскенниеми пишет стихи для надгробных памятников ⟨...⟩ конечно, я была как бомба» [7]. Поэтесса жаждала круга единомышленников, она мечтала найти свой журнал. «Беспредельная банальность», дидактика «Нуори Войма» ее явно не удовлетворяли: «Я, кажется, переросла „Н. В.“» [8].

В какой-то мере единомышленниками Вала стали поэты и писатели-пламеносцы. В 20-е годы жизнь поэтессы тесно переплеталась с судьбой этого направления, захватившего молодых литераторов Финляндии,— таких, как Ууно Кайлас, Элина Ваара, П. Мустапяя, Лаури Вильянен, Арви Кивимаа, Илмари Пимия, Юрье Юльхя, Олави Пааволайнен, Онни Халла, Мика Валтари, Эркки Вала — брат Катри Вала, печатавшийся, как и сестра, под псевдонимом Вала (клятва).

Направление пламеносцев возникло в 1919 г. и сразу же обратило на себя внимание. «В нашей литературе зарождается что-то новое,— писала Катри Вала в 1922 г., имея в виду творчество пламеносцев,— это вызовет бурю, как в свое время произведения Киви. Молодежь поднимается, молодежь поднимается!» [9]. Эти «огнепоклонники» начали как будто с разрушения всех традиций: ломки классического стихосложения, ниспровержения предшествующей эстетики, отречения от действительности. Пламеносцы принадлежали к поколению, перенесшему ужасы первой мировой войны и разгром рабочей революции. «Вокруг царили разрушение и упадок» — характеризовал Финляндию тех лет критик-марксист Рауль Пальмгрен [10, с. 32]. Но пламеносцы были уверены, что все зло осталось позади и можно «начинать строительство Афин красоты» [4, с. 294]. В наследство от былых эпох они оставили — как высшую ценность — саму жизнь и с ликованием стали почитать ее. Любовь к жизни превращалась у них, по выражению М. Нийнистэ, в «некоторый наигранный оптимизм» [11, с. 76]. В своей программе пламеносцы утверждали: «Жизнь свята. Мы любим жизнь. ⟨...⟩ Цель жизни — продолжение жизни. ⟨...⟩ Как молода наша земля, какой силой полна! ⟨...⟩ Разорвите круг, который сжимает ваши сердца, ⟨...⟩ познавайте жизнь!» [12].

Своеобразным протестом против крайних форм национализма было обращение пламеносцев к общеевропейской культуре, стремление к наднациональному. «Молодые поэты даже не употребляют слово „национальность“,— писал критик Эркки Вала,— слово „Финляндия“ — редко» [13, с. 13].

Стараниями О. Пааволайнена у пламеносцев приобрели популярность стихи французской поэтессы Анны де Ноай (1878—1933), которую парижане называли «поэтессой молодости и любви» [14, с. 464]. Творчество Ноай отражало эстетические установки натюристов, желавших во что бы то ни стало противопоставить себя символистам. От интереса к потустороннему, к абстрактности образов и к искусству как высшему проявлению жизни натюристы призывали вернуться к реальной земле, «прославлять моряков, пахарей и пастухов» [15, с. 342]. Друг Ноай, поэт, близкий натюристам, Франсис Жамм мечтал, чтобы «искусство было ни большим и ни меньшим, чем блеск жука» [16, с. 9—10].

Пережившее крушение символизма творчество Ноай соответствовало переходу от символистской эстетики к эстетике поэтов, выступивших с антисимволистскими принципами: унанимистов (Жорж Дюамель, Жюль Ромэн, Шарль Вильдрак), отражавших в стихах «чувства и интересы человеческого коллектива» [17, с. 208], Гийома Аполлинера и Макса Жакоба, перенесших в литературу некоторые приемы кубистской живописи, наполнивших стихи социальным содержанием и «покончивших с господством символизма в поэзии» [17, с. 208]. Пантеистическими мотивами, восторгом перед природой, чувством цвета Ноай действительно была близка пламеносцам. «Мне никогда нельзя ее много цитировать,— сокрушалась